

Дипломатические дары в русско-габсбургских отношениях второй половины XVI века

Научный руководитель – Матасова Татьяна Александровна

Бобылева Ирина Дмитриевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России до начала XIX века, Москва, Россия

E-mail: kursk.bobyleva@mail.ru

В активно развивавшихся со второй половины XV в. дипломатических связях Русского государства с Западом особое место занимали отношения с правителями Священной Римской империи из династии Габсбургов. Практически непрерывными эти контакты были в царствования Ивана IV (1547–1584) и Федора Ивановича (1584–1598), когда интересы обеих династий пересекались в связи с Ливонской войной, бескорольевыми в Речи Посполитой, угрозой со стороны Османской империи и Крымского ханства. Наряду с очевидной политической составляющей, важную роль в русско-габсбургских связях указанного периода, как и в дипломатии Раннего Нового времени в целом, играли символические аспекты, одним из которых являлся обмен дарами.

Такой дарообмен происходил в нескольких направлениях и на различных уровнях. В русской посольской практике различались «поминки», которые передавали друг другу правители и члены их семей, а также подданные одного государя другому, и «жалованье», то есть дарение, направленное от вышестоящих к нижестоящим [5, с. 116, 124]. Поминки традиционно предьявлялись на первой личной аудиенции у правителя, тогда как ответное жалованье присылалось на посольское подворье с кем-то из приближённых. Далеко не каждое посольство привозило с собой дары – этому могли препятствовать как трудности пути, так и представления о необходимости соблюдения взаимности.

Обычным царским даром Габсбургам были меха – чаще всего один сорок соболей [1:1, с. 587, 719, 803, 911]. Разнообразные меха также являлись наиболее привычной формой царского жалованья имперским дипломатам, а в 1595 г. Федор Иванович отправил императору Рудольфу II в качестве «вспоможенья» в войне против Османской империи «мягкую рухлядь», оцененную на сумму более 40 тысяч рублей [2:II, с. 236–237]. Наряду с таким «вспоможеньем», не считавшимся поминком, русские послы привезли двух кречетов [2:II, с. 240]. Возможно, дарение русскими правителями ценных мехов и птиц внесло свой вклад в западное восприятие России как страны, обладающей колоссальными природными богатствами, а царя – как могущественного властелина. На обилие мехов, приносящих царской казне высокий доход, обратили, например, своё внимание послы императора Максимилиана II Ханс Кобенцль и Даниэль Принц [3, с. 151; 4, с. 30].

В правление Федора Ивановича обращает на себя внимание использование в качестве даров вещей персидского происхождения. В 1593 г. Рудольфу II и его брату эрцгерцогу Максимилиану были переданы от царя – парчовый кафтан, а от Бориса Годунова – части доспеха и оружие [2:I, с. 1377, 1381]. В 1595 г. царский шурин отправил императору вместе с русским посольством дорогие ткани, причём и тогда, и в предыдущий раз считал необходимым объяснить происхождение своих поминков: они были присланы «от своей любви» персидским шахом Аббасом I [2:II, с. 233, 240]. Поскольку как раз в то время между Россией и Габсбургами шли переговоры о создании обширной антиосманской коалиции, в которую наряду с христианскими государствами планировалось привлечь Персию, подобное передаривание шахских даров могло служить намёком на готовность московского

правительства способствовать реализации данного проекта и служить связующим звеном между потенциальными союзниками.

Значительно более разнообразными были поминки имперской стороны, предназначавшиеся не только царям, но и, с определённого момента, Борису Годунову. Они включали в себя ценных (породистые лошади) или экзотических (обезьяна, попугай) животных, а также мастерски выполненные и богато украшенные изделия, демонстрировавшие высокий уровень западного ремесла – сосуды для питья и другую столовую утварь, часы, оружие, кольца и перстни, золотые цепи [2:1, с. 1278; 2:II, с. 400, 492, 518; 1, с. 16, 20]. Отдельный интерес представляют предметы, которым могло придаваться особое символическое значение. Вероятно, с уже упомянутыми планами объединения христианских государств в борьбе с османской угрозой связаны привезённые Федору Ивановичу последним имперским посольством мощи св. Николая Чудотворца и «крест золот с жемчуги» [2:II, с. 492–493]. В ряде других поминков можно увидеть отсылку к существованию особых отношений между правителями России и Империи – это, например, усыпанная драгоценными камнями золотая цепочка с императорским вензелем и диадемой или хрустальные кубки с буквами, расшифровывавшимися «Как священна братская дружба» [1, с. 16].

Что касается ответных подарков государей чужим подданными, то в статейных списках неизменно перечисляется габсбургское жалованье, представлявшее чаще всего золотые «чепи», кубки, ткани и деньги [2:1, с. 703–704, 828; 2:II, с. 358, 373]. Количество предметов или денежная сумма зависели от уровня самой миссии или положения отдельных участников большого посольства. От поминков такое жалованье отличалось прежде всего частым использованием денег, которые в отношениях равных или близких по статусу лиц в рассматриваемое время могло быть воспринято как символ зависимости [5, с. 120–121]. В свою очередь, русская сторона возвращала приезжавшим габсбургским дипломатам бо́льшую часть их собственных подарков и щедро одаривала их в ответ в соответствии со статусом каждого – помимо мехов, в источниках упоминаются одежда, ткани, живые животные [1, с. 30–31; 2:II, с. 167, 416, 618; 4, с. 57].

Таким образом, перед нами вырисовывается картина непрерывного дарообмена на всех уровнях иерархии, в которую, помимо названных участников, могли включаться другие приближённые государя и даже люди, приносившие чужие дары и вознаграждавшиеся участниками посольства [1, с. 31]. Вследствие этого поминки и жалованье не только представляли материальным воплощением предмета переговоров или особых отношений между царём и императором, но также способствовали созданию настоящей сети незримых личных связей, протянувшихся от правителей к правителям, от правителей – к чужим подданным и наоборот, наконец, от подданных одного правителя к подданным другого.

Источники и литература

- 1) Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора в 1593 году // ЧОИДР. 1874. Кн. 4. Отд. 4. С. 1–36.
- 2) Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. I, II. М., 1851–1582.
- 3) Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // ЖМНП. Часть XXXV. СПб., 1842. Отд. II. С. 127–153.
- 4) Принц фон Бухау Д. Начало и возвышение Московии // ЧОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. 4. С. I–III, 1–46; Кн. 4. Отд. 4. С. 47–75.
- 5) Юзефович Л. А. Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал: конец XV – первая половина XVII в. СПб., 2007.